

A man with a beard and blue eyes, wearing a black suit, stands on the left. A woman with brown hair and blue eyes, wearing a white top, stands in the center. A baby with a pink bow in its hair is on the right. They are all looking towards the camera. The background is a futuristic, brightly lit interior with large windows and a blue sky visible outside. The overall tone is romantic and hopeful.

ИРИНА ШАЙЛИНА

Подкидыш или
СЧАСТЬЕ НА ДОРОГЕ
(НЕ) ВАЛЯЕТСЯ

Ирина Шайлина

**Подкидыш или счастье
на дороге не валяется**

<https://litres.ru/74253978>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я нашла малышку прямо на дороге и я знаю, что мне нужно её вернуть. Но в записке сказано, что если я спрячу младенца, то спасу от смерти. Ведь её отец монстр, готовый на всё ради мести...

А у Александра Ерофеева дочь украли, он готов перевернуть землю, чтобы её найти.

Я и Александр стали заложниками чужой игры, и мужчина не веря хочет меня уничтожить и отнять своё дитя. Но маленькое солнышко всё изменит, а ещё — нежданная любовь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	46
Глава 10	51
Глава 11	56
Глава 12	60
Глава 13	67
Глава 14	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Ирина Шайлина

Подкидыш или счастье на дороге не валяется

Глава 1

Ульяна.

Ребенок плакал. Надрывно, кажется даже - обиженно. Это само по себе было странным, потому, что через этот пустырь редко кто ходил. Собачники, да и те, кто как я срезал дорогу. Раньше здесь были дачи, порой торчали из мезли полуистлевшие фундаменты, остовы стен. И все вокруг заросло старыми клёнаи, одичавшей смородиной и малиной.

Торопинка была узкой и извилистой, испещренной выпуклыми корнями деревьев. Кто по своей воле захотел бы толкать здесь коляску? Раньше я таких охотниц не встречала. Что здесь делает ребёнок?

— Это не моё дело, - сказала я и прибавила шаг.

Уже вечерело. Ночью здесь вполне могли тусить пьяные компании из ближайших высоток, с ними я встречаться не хотела. Одурающе пахло цветущими деревьями и кустами. И вечер такой тёплый, душный — самое начало июня.

Ребёнок заплакал снова. У меня сердце сжалось. Я так

ребёнка хотела. Почему-то, именно девочку. Маленькую, смешную и пухлую. Цвет волос или глаз никакого значения не имели. Я так устала от своего одиночества, что хотела просто любить. Любить своего ребёнка. Иногда, проходя мимо детской площадки я останавливалась и подолгу смотрела, как играют дети. Это было и сладко, и больно разом.

Детский плач становился все ближе, а потом замолк. До этого он раздавался откуда то из-за раскидистого клёна, что рос на крутом повороте тропинки. Я повернула за клен и растерянно замерла. Никакой молодой мамы с коляской не наблюдалось. Посредине тропинки стояла сумка. Обычная такая сумка. Дорожная.

Я шагнула ближе. Нет, сумка не обычная. Она была дорогой. Это так явно бросалось в глаза, словно из карманов торчали пачки купюр. Ничего не торчало, просто дорожная сумка от кутюр стояла посредине тропинки на пустыре заросшем кустами и кленами.

— Ульяна Белова никогда не брала чужого, - произнесла вслух я.

Звук собственного голоса немного разогнал то жуткое предчувствие, что витало вокруг. В душу закралось любопытство - брать не нужно. Нужно посмотреть одним глазком, что там. А потом вызвать полицию и идти домой, пусть сами разбираются.

— Нет, - снова сказала я.

Обошла странную сумку и пошла дальше. Там, за пусты-

рем уже виднелись крыши высоток, в одной из которых я живу. И вдруг я замерла на месте. Ребёнок плакал? Плакал. Куда он делся? Иду я быстро, я бы точно нагнала маму с коляской или малышом на руках. Где, черт побери, ребёнок?

Я обернулась. Сумка стояла все там же. Никто не плакал. Сумка не шевелилась. Я чувствовала себя так, словно попала в фильм ужасов и сейчас непременно что-то случится. В воздухе висит тревога, как запах озона перед грозой. Тёмные кусты. Никого вокруг. Не хватало только тревожной музыки. Я сделала шаг к ней. Потом ещё один. Наклонилась и рывком расстегнула молнию.

Колени едва не подогнулись, с трудом удалось удержать равновесие. В сумке лежал ребёнок. Личико красное — наверное, долго плакал. Карие глаза со слившимися от слез в стрелки ресницами смотрят на меня внимательно.

Долгую минуту я просто стояла и смотрела на младенца, не в силах сделать что либо — словно парализовало. Ребёнок был совсем маленький, точно я определить не смогла бы, но месяца два-три. Но он уже что-то понимал. Он увидел большого, взрослого человека и ожидал, что сейчас его возьмут на руки, достанут из тесного плена сумки, а я просто смотрела и тупила. И тогда малыш обиженно всплеснул ручками и заплакал. Так горько...

— Прости! - воскликнула я.

Вытащила его скорее, взяла на руки. Малыш был маленьким, но увесистым, голая спинка вспотела, лицо мокрое от

слез. Уткнувшись лицом в мою грудь завертел головой — наверное, был голодным.

— Сейчас, — сказала я, голос дрожал. - Сейчас я вызову полицию.

На ребенке был лишь один подгузник, наверное это хорошо, таким тёплым вечером в плотной сумке можно было бы заработать тепловой удар. Трясущимися руками я достала телефон и чертыхнулась - разряжен. Я ни от кого не ждала звонков, поэтому регулярно забывала заряжать телефон.

— Дойдём до дома, - сказала я. — Потом вызову.

Ребёнок все так же плакал, а я прижимая его к себе испытала иррациональное чувство страха. Вечер. Кусты эти. Казалось — оттуда кто-то на нас смотрит. Кто? Но кто-то же выбросил ребёнка! Никто желающий добра так не сделает. За маленького, зареванного ребёнка стало страшно. Его обижают.

— Тише... Тише, зайка, не плачь, вдруг нас кто-то услышит.

Или увидит, как я несу на руках ребёнка. Вдруг его ищут плохие люди? Я приняла волевое решение - малыша нужно положить обратно в сумку и уже так нести, чтобы никто его не увидел. Буду надеяться, что быстрая ходьба его укачает и он не будет плакать.

— Не плачь, пожалуйста... это ненадолго. Я не буду закрывать сумку.

Я положила ребёнка обратно в сумку. И сорвалась, почти

побежала, усилием воли заставляя себя умирить скорость - не дай бог споткнусь и упаду, ребёнок же в сумке... у кустов были глаза. Они смотрели мне вслед. Если бы могли, они бы вытащили корни из земли и потопали за мной. Чтобы отнять у меня ребёнка, который все же затих, уснув.

С пустыря вырвалась и пошла тише. Здесь уже не так страшно, здесь есть люди. И я могла к любому подойти и сказать - у меня ребёнок в сумке. Его кто-то выбросил. Вызовите пожалуйста, полицию. Но я упрямо шла домой.

Там закрылась на все замки и понесла сумку в комнату. Малыш спал. Во сне вздрагивают веки, кулачки крепко сжаты. Наверное, он очень испугался.

Я достала его и переложила на постель. Обыскала сумку. Под малышом был сложенный в несколько раз плед. В боковом кармашке бутылочка и упаковка смеси. Запаянная, новая, уже открытую я боялась бы дать ребёнку. Несколько подгузников. И больше ничего.

— Я позвоню в полицию, - сказала себе я. - Но сначала покормлю малыша.

Развела смесь по инструкции, несколько раз встряхнула, проверила температуру - хорошая. Малыш, словно почувствовав, что ему готовят покушать, закричал, и я бросилась к нему с бутылочкой.

— Кушай, мой сладкий...

Он был так голоден, что ел сердито сопя, давясь, раз я даже отобрала у него бутылочку, чтобы не захлебнулся. Он ел,

а я на него смотрела. Безотрывно. Он у меня только полчаса, а казалось вдруг, что моя одинокая жизнь вдруг наполнилась смыслом. Я чувствовала физическую боль от мысли, что ребёнка придётся отдать.

Доев малыш вытолкнул соску изо рта языком, а я рассмеялась. Постелила чистую простынь, на неё ребёнка, и сняла явно переполненный подгузник.

— Бог мой, - удивилась я. — Да ты девочка!

А малышка в ответ дрыгнула пухленькими ножками.

Ульяна Белова никогда в жизни не брала чужого, но в этот вечер унесла чужого младенца.

Глава 2

Александр.

В детской было тихо. Не знаю, чего я ждал, чуда? В последние полтора месяца здесь всегда было шумно. Сновала медсестра, которая приходила каждый день. Тихо напевала няня. И наконец, вполне громко, для своего крохотного тельца, плакала моя дочь.

Малышка рождённая весом всего в два килограмма восемьсот грамм, крошечное существо, которое страшно было на руки брать, принесла с собой жизнь в мой дом, который был больше на склеп похож, своей тишиной и тенями что прятались по углам.

Она была такой маленькой. Я смотрел на неё и не понимал, откуда в ней такая воля к жизни. Плакала она кромко. Обиженно. Словно понимала, что её привели в мир, в котором матери она не нужна, а папа ещё не научился её любить, он пока не понимает, может ли любить вообще.

Её, такую крошку, называли длинным и совершенно не подходящим именем Каролина. Имя ей выбрала мать, если её так можно было назвать. Она была красивой, Милана. Очень красивой. И связь с ней была приятной. Но...

— Я беременна, — сказала она мне.

Я к тому времени уже месяц с ней не встречался, и ей пришлось приложить много усилий, чтобы организовать эту

встречу. Пробралась же как-то на охраняемую подземную парковку. Подкараулила, прячась за одной из несущих колонн.

Здесь было холодно и почему-то сквозило, ветер играл тёмными прядками её волос, придавая лицу особую трагичность, а моменту — торжественность.

— Полагаю, папа я, — пожал я. - Вряд-ли бы ты стала играть в такие игры не будучи уверенной.

— Да, ты, — вздернула подбородок она. — И я знаю правила этой игры. Я знаю, что ты никогда на мне не женишься.

— Тогда в чем дело?

— Я не хочу делать аборт, — вдруг жалобно сказала она. — Мне не нужен ребёнок, я знаю. Он испортит моё тело. Он исковеркает все планы на жизнь. Я не буду его любить, я стану ненавидеть его за то, что он сделал с моей жизнью.

— Но?

— Он живёт во мне третий месяц. Уже месяц я думаю, как мне быть. Саша... Саша, у денег неприличное количество. Ты же богат, как дьявол, Ярофеев. Давай я рожу этого ребёнка, а ты его заберёшь. У тебя все равно никого нет, Саша...

— Ты сошла с ума.

Я сел в машину и уехал, оставив её там одну. Зачем мне ребёнок? Я один, да. Я привык быть один. Мне было комфортно. Я вернулся в свой дом, похожий на склеп и выбросил разговор из головы, перевёл ей денег на счет, чтобы аборт сделала.

Но разговор вспоминался. День за днём. Я не хотел жениться. И да, я чертовски богат. Зачем мне эти деньги, которые я не успею потратить при жизни, даже если очень захочу? Что я с ними буду делать?

И дом этот огромный. Если в одной из комнат будет детская... это никак не скажется на моем комфорте. Найму пару нянь, чтобы они работали посменно и ребёнок всегда был под присмотром. Потом педагога. Лучшие учебные заведения, престижный вуз за границей... Всё это я могу дать ребёнку, мне не сложно, черт.

Я не хотел думать об этом и думал. Ночами, когда смотрел в потолок не в силах уснуть. На совещаниях, пропуская через себя бесконечный поток цифр.

Я поехал к ней через неделю. Она открыла, так на себя не похожая. Немного отекая. Даже волосы поблекли. Блеска в глазах нет, губы потрескались.

— Сделала? - спросил я.

— А ты не видишь? - дерзко переспросила она. - Я так ужасно выгляжу, потому что твой ребёнок жрёт меня изнутри. Он такой же, как ты... у меня почти закончилось время, в которое аборт можно сделать.

— Не нужно, — покачал головой я. — Я его куплю.

Купил ей квартиру, получше, не в таком ужасном районе. Обеспечил медицинское сопровождение. Милана гасла, а живот её рос. Говорят, беременные полнеют, она же худела, только живот и торчал вперёд, максимально странный, при-

тягивающий взгляд.

Я не был разочарован, когда узнал, что это девочка. Я знал - она будет сильной. Я воспитаю её такой. На родах не присутствовал, но приехал сразу едва она родилась. Мне дали её на руки. Она была маленькой.словно пародия на человека. Сморщенные щёчки, тонкие пальчики, на которых, к удивлению, имелись ноготки. Волосики прилипли к голове. Я чувствовал... разочарование.

А потом она открыла глаза. Новорождённые не видят, я читал об этом. Но она смотрела мне прямо в душу.

— Всё это было не зря, — сказал я ей.

Милана настояла на том, что даст малышке имя сама. Так девочка стала Каролиной. По мне глупость. Она же такая маленькая для такого имени.

И я привёз малышку домой. Детская была готова, в ней ждала лучшая из нянь. А малышка принесла в мой дом жизнь и шум. И странно было просыпаться по ночам от того, что она плачет. Видеть няню, что гуляла по саду, толкая коляску. На кухне появилась куча младенческих приблуд. Даже запах дома, и тот изменился. Дом пах молоком и нежностью.

А теперь я вошёл в тихую детскую. Непонятно на что надеясь, шагнул к кровати. Я знал, что я там увижу, мне уже позвонили и все сказали. Кровать была пуста.

Маленькой девочки не было в кровати, не было во всем моём огромном доме. Не было шума, движения, жизни, все это она забрала с собой. И тот, кто унёс её.

Моя дочь похищена. Я не знал ещё, успел ли я её полюбить
какая она, эта любовь. Но...

— Я убью того, кто это сделал, — спокойно сказал я.

И те, кто молча стояли рядом со мной знали, что так и
будет.

Глава 3

Ульяна.

Девочка не спала. Она смотрела на меня внимательно, словно изучая. Я в ответ смотрела на неё. И все время думала о том, что нужно позвонить в полицию. Они приедут, равнодушный полицейский наряд, завернут малышку в её плед и увезут. Наверняка есть какой-то распределительный пункт для таких вот подкидышей. Я могла его представить. Комната, стены крашенные казёной краской, ряды кроваток. Никому не нужные дети. И никого, кто мог бы этих детей любить, захотел бы любить.

— Я не хочу, чтобы ты была в таком месте, - сказала я малышке. — А вдруг, ты никому не нужна? Тогда детский дом...

Детский дом — страшное слово. Я хотела хоть одного ребёнка забрать, но так и не сумела победить систему. Все во мне было плохо. И отсутствие мужа, и однокомнатная квартира, и небольшая зарплата. А теперь кто-то просто оставил малыша на моем пути и мне так отдавать его не хочется.

— Ты знаешь, что будет, - размышляла я вслух. — Ты же не сможешь прятать ребёнка всю жизнь. Тебя посадят, Ульяна.

Но даже это не могло побороть иррационального желания забрать себе ребёнка. Глупость, да? Взять и прикарманить

чужую дочку. Я понимала всю абсурдность своих мыслей, от напряжения у меня заболела голова.

— Давай помоемся, — решила я. — А уже потом будем думать.

Я взяла её на руки, маленькую и тяжеленькую, понесла в ванную. Прижимала к себе, пока настраивала воду, и нюхала её волосики. Детские волосы пахли неповторимо. Невинностью. Нежностью. Любовью.

Вода малышке нравилась. Она была маленькой, но уже хорошо держала голову. Я никогда не имела дела с младенцами, но вполне доверяла своей интуиции. Положила малышку на живот, воды было немного, она с удовольствием стучала по ней кулаками, а я придерживала ей подбородок, чтобы она не напилась воды ненароком.

В ванной она начала клевать носом. Я осторожно достала её, предварительно сполоснув маленькое крепкое тельце и завернула в чистое, самое мягкое полотенце из тех, что у меня были. В комнате села на кресло, прижав находку к себе. Девочка спала.

Я смотрела на неё и плакала. Потому что у меня такой девочки не было, и наверное никогда не будет, а кто-то не ценил её настолько, что просто оставил на пустыре. А я бы ценила. Берегла. Пылинки сдувала. И все равно я её отдам.

Потому что я думала о той, что её родила. Вдруг ищет сейчас? Плачет? Рвёт на себе волосы в отчаянии, лишившись самого важного, что у неё было? Мне было жаль её мать. По-

этому сейчас я позвоню в полицию.

Я уложила сокровище на кровать и потянулась за её пледом. Одежды у девочки нет, нужно будет надеть на неё подгузник и завернуть в плед. Плед был нежным, мягким и такого тёплого цвета. Провела по нему пальцами, а затем стряхнула, чтобы расправить складки.

И из пледа что-то выпало. Небольшой квадратик бумаги. Я оглянулась на малышку, а затем потянулась к записке дрожащей рукой. Медленно развернула бумагу и вчиталась в строки. От волнения буквы размывались, мне приходилось прилагать усилия, чтобы понимать, что я читаю.

И с удивлением я поняла, что записка адресована мне. Не кому-то другому. Именно мне.

"Я наблюдала за вами несколько дней. Вы занимались тем же, что и я - смотрели на детей. На чужих детей. Только разница между нами есть. Вы мечтаете о ребенке, а у меня уже дочка. Только...она у отца. Он монстр. Он тот, кто никогда не позволит мне её забрать. Поверьте, страшнее людей не существует. Он уничтожит меня за одни мысли, но я не могу позволить ему воспитывать свою дочку. А он никогда не отдаст её мне. Поэтому я украду её. Но скрыться с ней мне никто не даст. Бежать придётся одной. Я оставлю её вам. Вы поймёте меня. Вы так жарко мечтаете о ребенке, что я чувствую запах вашей мечты за версту. Я знаю, каким путем вы идёте домой. Я оставлю сумку на тропинке. Я буду ждать в кустах. Вы заберёте её, я знаю. Вы хорошая. А потом, когда я

собыю погоню со следа, я заберу у вас малышку. Заботьтесь о ней, пожалуйста. "

Я отложила записку. Посмотрела на спящее дитя. Потом на свои дрожащие руки. И заплакала. От жалости к себе. Господи, я и правда смотрела на чужих детей. Нет, я не мечтала их похитить. Я просто мечтала о ребенке... неужели моя жажда была настолько сильна, что бросалась в глаза другим людям?

— Никто не заберёт тебя сегодня, — сказала я спящему ребенку. — Мы будем ждать твою маму, крошка.

Я знала, что потом отдать ребёнка будет во сто крат тяжелее, что я успею к ней привыкнуть и горе вывернет меня наизнанку. Но я была так счастлива, что сегодня она будет со мной. Это было глупое счастье, ворованное, но такое безудержное...

— Твоя мама не сказала, как тебя зовут, - задумалась я.

Странно, почему не написала? Это ведь элементарно необходимое. Конечно, я могу называть её крошкой и чудом, но... я посмотрела на малышку. Она хмурилась во сне, сдвигая тонкие бровки на переносице. Возможно ей снился плен тесной жаркой сумки. Или она скучала по маминым рукам. Бедная.

— Ты такая сладкая, — прошептала я. — Ты чистый концентрат счастья. Я буду назову тебя Ясна, потому что ты такая ясная... будешь Ясей, пока мама тебя не заберёт.

И она улыбнулась. Во сне. А у меня сердце дрогнуло, я

протянула руку и коснулась её мягких волос, все ещё не веря в происходящее.

Глава 4

Александр.

Все было просто. Максимально прозрачно, настолько, насколько это в принципе было возможно. Милана вошла в мой дом с сумкой, с сумкой вышла. И все.

— Какого черта? — спросил я у охраны.

Спокойно спросил, без истерики, без психа. Просто смотрел и ждал ответа.

— Вы... вы... - парень чьего имени я даже не помнил начал заикаться от волнения. - Вы не давали распоряжения её не пускать. Напротив, сказали, что раз в неделю она имеет право навестить ребёнка. Мы исполняли ваши распоряжения.

Милана право имела. Сейчас я казался себе слишком добрым, безумно щедрым. Насколько, что просрал своего собственного ребёнка.

— Сумку досмотрел?

— Так точно... на входе. А на выходе нет, что она могла украсть из дома? Там же камеры везде...

И тем не менее у меня украли дочь. Камеры были. Почти везде, за исключением моей комнаты, рабочего кабинета и ещё нескольких помещений. В детской было две камеры, я не собирался доверять воспитание своего ребёнка чужим людям безоглядно. Эти люди нуждались в контроле. Не до-

верял я не зря.

Камеры показали, как Милана спокойно входит в дом. Уверенным шагом проходит в детскую, путь она знала.

— Я навесить малышку, - улыбается она няне.

Няня реагирует спокойно. Какие бы мысли не бродили в её голове, мать кукушку она не критиковала даже взглядом. Профессионал. К сожалению, сегодня её профессионализма не хватило.

— Она как раз не спит, — отвечает няня. - И в хорошем настроении. Спать захочет минут через тридцать, если хотите, можете сами её уложить. Я оставлю вас наедине, приготовлю малышке перекусить и поглажу её вещи.

И она уходит. Оставляет мою дочь наедине с этим подобием матери, пародией на мать. Милана подходит к кровати. Мне видно плохо, только ножки ребёнка, которыми она с удовольствием дрыгала.

— Красавица, — говорит Милана. - Мама все исправит. Мама изменилась.

В то, что Милана изменилась я не верил. В те времена, что мы с ней встречались она была зависима от психотропных веществ. Поэтому всю беременность её контролировали, я не собирался позволить вредить ребёнку. Но отчего бы ей не вернуться к старым привычкам?

Я вглядывался, присутствует ли нервозность во взгляде, дрожат ли пальцы. Милана на экране компьютера была совершенно спокойна, хладнокровна.

— Агу, - ответила Каролина, она как раз научилась агукать, совсем недавно, ровно в месяц после рождения.

Милана воровато оглянулась, потом достала ребёнка из кровати. Прижала к себе, укачивая. Постояла несколько минут. Веки ребёнка тяжелели, но засыпала она неохотно. На укачивание ушло семь минут. Я засек. А потом Милана положила мою дочь в свою сумку, вынув из неё куклу. Куклу опустила в кроватку, сумку застегнула и ушла. Вот и вся история.

Если бы я доверял Милане мне было бы легче. Я не доверял ни на грош. И дело было даже не в том, что это мой ребёнок. Ни одно незащищенное существо не должно попадать в столь легкомысленные руки.

— Вы должны найти её сегодня, - жёстко сказал я. — Сегодня. Если не найдёте, вам проще умереть самим. Так будет гораздо легче и приятнее. Вам.

Рабочий кабинет погрузился в хаос. Выдвигались различные варианты её действий. Всё сходились на одном — ей кто-то помогал. Кто? Перебрали всех её родственников. Посетили. Мать алкоголичка честно ответила, что дочь три года не видела, а та зараза ей денег не даёт. Матери верилось.

Бесчисленное количество кузенов и кузин тоже не видели её много лет. Имелся брат. Он находился на лечении в психоневрологическом учреждении, уже несколько лет. Совершил убийство, но его признали невменяемым. Позвонили, узнали, брата не выписывали. Тупик.

Милана нашлась чудом. Повезло. Хотя долгий настойчивый труд моих людей неправильно было бы назвать везением. Она сидела в дешёвой гостинице на окраине города и явно кого-то ждала. Не меня.

— Ерофеев? — воскликнула она вскакивая с кровати.

— Где девочка?

— Её нет здесь! Она в надёжном месте!

Она сильно похудела, но была красива, как и прежде. Отшатнулась от меня, бросилась к распахнутому балкону, словно там могла от меня спастись.

— Где?

— Ты не узнаешь никогда!

— Кого ты ждёшь?

Смеётся. Возможно пьяна. Может, просто слишком взволнована. Она уже на балконе, я шагаю за ней. Я не думаю, что она что-то сделает с собой, она слишком любит жизнь. Точнее, любит деньги и богатых мужчин, которые эту жизнь и скрашивают.

— Я спасла её от тебя, теперь она будет счастлива!

Хватаю её за рукав, дёргаю к себе. Милана вырывается, яростно, словно фурия. Я понимаю только одно — нужно любой ценой узнать, где ребёнок. Малышка может быть в опасности.

— Милана!

Мой голос жесток, я надеюсь, что смогу её вразумить. В неё словно бес вселился. Моё лицо обжигает боль, Милана

расцарапала её ногтями. Они у неё острые, словно у кошки.
— Ты никогда не узнаешь, - смеётся она.

Переваливается через перила. Я удерживаю её за рукав, но через мгновение в моей руке остаётся только обрывок ткани. Внизу семь этажей пустоты и парковка. Надсадно надрывается сигнализация чьей-то машины. Затем резко выключается и наступает тишина.

По моей щеке стекает капля крови, стираю её, слушаю оглушающую тишину и понимаю — я проиграл.

Глава 5

Ульяна

Это решение не далось мне легко. Ночью моя ясная Яся спала хорошо. Иногда просыпалась, но даже зареветь не успевала — я всегда была рядом и сразу подхватывала на руки. Подумала даже — верну девочку совсем избалованной и ручной, мне её держать было одно удовольствие.

И руки словно знали, не нужно было ничему учиться, тем более голову Яся держала уверенно. Я же уснуть не могла, даже когда малышка безмятежно спала. Я сомневалась. Понимала, что не вправе прятать чужого ребёнка. Не будучи излишне наивной понимала и то, что меня наверняка за это накажут. По уголовному кодексу, и мои мечты когда либо стать матерью, за решёткой точно не исполнятся. Не раз и не два я брала телефон, чтобы позвонить в полицию, так поступил бы любой законопослушный гражданин, а я такой всегда и была - правильной и рациональной. Брала и не звонила.

В следующий раз, второй по счёту за ночь, Яся проснулась в три часа. Я сразу взяла её на руки. Она сосала смесь, смотрела на меня темно-кариими глазами, я же вполуха прислушивалась к бормочущему телевизору. Закончилась мыльная опера, начались новости.

— Похищена из собственного дома, — чётко начал выго-

варивать корреспондент, стоя у высокого забора, за которым только верхушки деревьев и виднелись. — Маленькая Каролина Ерофеева, которой всего полтора месяца вынесена матерью, которая сама отказалась от своих родительских прав. Если кто-то владеет информацией или видел Каролину...

И показали фото. Это Яся. То есть Каролина. Точно она, ошибиться я не могла. Да и сочетание светлой кожи, светлых волос и таких тёмных глаз встречалось достаточно редко.

— Это ты, — растерянно сказала я. - Это ты, Яся! Прости, Каролина...

Мне стало так страшно, что телевизор я в испуге выключила. Отбросила пульт. Долго ходила нервно меряя комнату шагами, держа на руках спящую Ясю.

О том, что телевизор выключила я пожалела, и включила снова. Но новости закончились, началось ток шоу. И в интернете информации не было.

Меня обуревали сомнения в правильности своего поступка. И страшно было. За эту юную красивую женщину, за Ясю, за себя. Сном я забылась только под утро, а проснувшись и помыв малышку, которая испачкала подгузник, сразу включила тот канал.

Шла утренняя программа, гоняли музыку. Нет информации. Выходить на улицу с малышкой я боялась, да и одежды у неё пока не было совсем, но помнила - с детьми надо дышать свежим воздухом. Поэтому мы полчаса гуляли по балкону, туда сюда.

Начались новости, в них ничего важного для меня. Чтобы отвлечься сделала заказ в онлайн магазине детских товаров. От греха заказала мальчишескую одежду, не знаю, спасло ли бы это меня, может, я слишком наивна.

Доставка прибыла уже через сорок минут. В ожидании хоть каких то известий я перестирала детские вещи, прогна-ла через сушилку и погладила. Всё — как положено. Вскоре маленькая Яся стала смешным мальчишкой. Но самой Ясе было совершенно все равно, что на ней надето.

Когла в дверь позвонили я чуть не взвизгнула от страха. У меня почти не было друзей. Чисто теоретически подружки имелись, но растворились в семейной жизни. Выходили за-муж, рожали детей. Я оставалась где-то на обочине, и там мне в принципе было комфортно.

Но кто-то пришёл.

Меня точно уже нашли. Сейчас такие технологии, каме-ры везде, меня точно нашли. Посадят в тюрьму, стоит ли моя сломанная жизнь такого короткого ворованного мате-ринства?

Я прокралась и посмотрела в глазок. И обрела возмож-ность дышать. Мама моя уже погибла, но одна из её подруг перешла мне по наследству. Дружить мы не дружили, слиш-ком большая разница в возрасте, но она заглядывала иногда, мы пили чай, говорили о маме. Сейчас тётя Галя стояла за дверью.

— Ульяна, я слышала твои шаги, - в шутку крикнула она.

Она и подумать не могла, что я ей не открою. Но если она и правда слышала, то если я не открою, будет вдвойне странно. Я открыла.

— Здравствуйте, - улыбнулась я.

— Мимо проезжала, — пояснила она. — Решила тебе клубники занести, сама собирала с утра пораньше. Сла-а-ад-кая, ум отъешь.

И шагнула в квартиру. И в это время заплакала Яся. Она успела привыкнуть, что я всегда рядом, а сейчас меня не было.

— Мы полгода не виделись, - сказала тётя Галя почти с надеждой. — Что-то изменилось?

Я могла бы соврать. Сказать, что маленький живот был во время беременности, такое случается. Но я не стала.

— Подруга в больнице лежит, - торопливо начала я ткать паутину очередной лжи, которой теперь так много будет в моей жизни. — Вот я и взялась присмотреть.

— А муж?

— Да какая от мужчин польза с грудничком, - отмахнулась я.

— И правда.

Вошла в квартиру, тискала Ясю, которую я ей представила от греха, как Артёма, долго пила чай. Я незаметно переключила телевизор на музыкальный канал - новости могут навести тётю на мысли. Где-то ребёнок пропал, здесь — появился.

— Я пойду, — заторопилась тетя. — А ягоду ты ешь, пока не скисла.

Я закрыла за ней дверь и бросилась к телевизору. Переключила и сразу попала на искомое.

— Милана Василова в крайне тяжёлом состоянии была доставлена в больницу, где впоследствии скончалась, не приходя в сознании. Подозреваемый в убийстве, её бывший сожитель, миллиардер Александр Ерофеев задержан. Судьба малышки Каролины остаётся не известной, ребёнок все еще не найден.

Я потрясенно повернулась к Ясе. Та лёжа на спине дрыгала ножками и пыталась их поймать руками, но пока безуспешно, ни ручки, ни ножки, не слушались толком.

— Яся, - прошептала я. — Она не лгала, твоя мама. Твой отец и правда монстр.

Глава 6

Александр

Наручники впились в костяшки запястья. Иногда я специально проворачивал ладонь, словно примериваясь к этой боли. Представлял, как дерну в стороны со всей дури, как напрягутся мышцы и жилы, как вопьется в кожу металл. А потом с дребезжащим стоном освобождения разорвётся металлическая цепь соединяющая кольца на моих запястьях.

Первым делом я бы ударил его, опера, который смотрел на меня со скупающим видом.

— Я все равно выйду, — сказал я. — Ты же знаешь.

— Ну да. Потом ещё когонибудь угробишь, да? Девочек на Руси много, не перечести. Не жалко...

— Я не убивал её.

— Здесь все так говорят.

И руками развёл. Этот человек был такой незначительной персоной, что от ничего не зависело. Он мог только сидеть в этом кабинете и задавать вопросы. Все. И все равно меня бесило, что этот человек сидит здесь беседуя ни о чем, когда мог бы искать мою дочь.

— Когда я выкуплю свою свободу, тебя даже торговый центр охранять не возьмут, — обещал я.

— Выкупишь? - усмехнулся он. — Ты входил в гостиницу, записи камер у нас есть. Соседи слышали разговор на повы-

шенных тонах. Твоя щека расцарапана. А частицы твоей кожи и крови под ногтями покойной Василовой. Ерофеев, поверь, миллионеры тоже садятся. И ты сядешь, я тебе гарантирую.

Классовая ненависть, вот что это. Он ненавидит меня за все то, что у меня есть, а у него нет. За деньги, красивых девок, безграничные возможности. У него на пальце кольцо блестит. И дети наверняка есть. И дома они, с матерью, что считает деньги пытаясь дотянуть до получки не влезая в долги. Я сам так рос, только с одной разницей — папа у меня был не опер, а обычный отморозок. Когда он сгинул в очередной пьяной драке, мы с матерью просто вздохнули с облегчением. Жить стало куда легче.

Но дети этого опера дома. Они в безопасности. В отличие от моей дочки, в которой весу едва — четыре килограмма. Она слишком мала, слишком.

— Пока ты задаёшь вопросы, одни и те же, по кругу, вопросы, на которые я давно ответил, моя дочь в опасности. Ей нет двух месяцев. Она маленькая, понимаешь, урод? И никто кроме меня её не найдёт!

Я не верил в полицию.

— Знавал я такие семейки, - хихикнул опер. — И чаще всего все заканчивается одинаково. Больше всего уверен, что девочки в живых уже нет, и где искать тело, только ты Ерофеев и знаешь. Сначала дочку, потом её мать, чтобы заткнулась...

Я не знал, любил ли свою дочь. Я знал, что должен её бе-

речь. И никому, никогда не позволять открывать свой рот чтобы говорить такое.

Мои руки были скованы наручниками за спиной и по плечам за время долгого разговора успело разлиться онемение. Но это не могло меня остановить. Никто, в том числе опер с красивой фамилией Васнецов не ожидал того, что случилось.

Я встал со стула, в два быстрых шага преодолел расстояние до стола за которым сидел опер и резко, с разгона наклонившись вперёд ударил лбом по лицу Васнецова. Лоб обожгло болью, душу — удовлетворением.

Нос мужчины съехал на бок распухая прямо на глазах, на рот, шею и рубашку потекло красным. Мужчина поднялся на ноги, сплевывая кровь и осколки зубов.

— И не таких умирjali. Хана тебе, — сказал он мне качая головой. И в коридор крикнул. - В карцер его! Или лучше определите к ребятам, которых ночью привезли, они из него быстро дурь выбьют.

Дверь открылась. Вошёл мужчина посмотрел на нас чуть поджав губы.

— Зачем ты так, Васнецов? Звонили уже по его поводу... получишь же. А ты за мной иди.

Мы шли по полутемному коридору. Наручники с меня сняли, я с удовольствием растирал онемевшие запястья. Мужчина вёл меня и говорил.

— Не нужно мстить, - тихо говорил он. — Ну, дурак...

ребёнок у него есть, жена беременная снова, да только ума не прибавилось. Над сестрой у него надругались... всего девятнадцать только было ей. Мажоры. Их всех выкупили, одному только срок дали, и то условный. А она руки на себя наложила. Вот он и озлобился. Не держи зла на него.

— Кто-то должен научить его тому, что не стоит клеить человека только из-за отношения его к определенному социальному слою, - ответил я.

— Не поможет, — со вздохом отмахнулся мужик.

Меня ввели кабинет в котором уже находился Артур. При виде меня он поднялся со стула, скептически разглядывая мой лоб.

— Что с тобой?

— Так... Разошлись с человеком в вопросах ведения дела. Дочка?

— Не нашли, — виновато ответил он. - Милана просто вышла с сумкой и растворилась. Никаких свидетелей. Ничего. Просто появилась потом уже без сумки.

— Ищи, Артур. Она слишком маленькая.

— Эта больная... могла и на мусорке оставить сумку.

Я до боли сжал зубы. Маленькая Каролина не заслуживала такой смерти. Никакой. Расти она должна была. Смеяться задиристо. В куклы играть, или во что там девочки играют. Гонять толстую кошку, что уже год, как поселилась в домике охраны.

— Увеличь сумму вознаграждения.

— Уже.

— И вытащи меня, черт!

— Сложно будет, Ерофеев... царапины, камеры. Но я вытащу, ты же знаешь.

— Я второстепенен. Дочку, дочку ищи...

Я сел на стул, а Артур вдруг шагнул ко мне, опустил ладонь на плечо в жесте поддержки. И я вдруг ощутил себя таким больным, таким усталым...

И подумал — никогда не доверять. Ни одной бабе. И никогда не доверять никому своего ребёнка.

Глава 7

Ульяна

То, что происходило со мной сложно было назвать даже панической атакой. Я замерла. В любом звуке исходящем из подъезда мне чудилась опасность. Когда к дому подъезжала машина, я просто переставала дышать — я была уверена, что это за мной. Ко мне. И считала мгновения. Вот люди вышли из машины, вот поднимаются. Шаги по коридору, остановятся возле моей двери... Но никто не приходил.

Девочка смотрела на меня. Так, словно понимала кто я, что я, вообще постигла все мироздание. Серьёзно так.

— Что делать? - спросила я у неё.

Она улыбнулась. Открыто, белозубо, так, как только дети умеют. И мне стало дышать легче, самую малость. Сейчас я даже не так полиции боялась, как мафиози. Именно мафиози, так я такой контингент и воспринимала. Что они мне сделают? Как я докажу, что не украла ребёнка? Я по сути его украла. Унесла к себе домой. До сих пор не вызвала полицию. Сейчас мне даже в полицию было страшно звонить, я же знаю, ещё по сериалам, которые смотрел мой покойный муж — они там все повязаны. Я позвоню и за мной приедут.

Но и так оставлять было нельзя, я сидела на пороховой бочке. Эта девочка - очень богата. Даже если я сойду с ума и решу её себе оставить, я лишу её будущего. Что могу дать

ей я? Я нищая, как церковная мышь. Да, у меня есть деньги, даже крыша над головой, я не умираю от голода, но все это не сравнить с благосостоянием её убийцы отца.

— Его посадят, — сказала я. — Над девочкой возьмут опеку. Какиенибудь родные. Все будет хорошо.

Моя Яся бултыхала ногами. Я одела её, затем подумав, завернула в платок, чтобы не замёрзла — моими терзаниями на улице давно стемнело. Торопливо, пока не передумала, вышла на улицу. Глубоко вздохнула. Я передам ребёнка государству и это будет правильным решением.

Я шла по улице пешком, не решаясь даже вызвать такси, не хотела привлекать к себе внимания, а густые ночные тени неплохо справлялись с маскировкой. Я выбрала отделение полиции далёкое от своего дома идти до которого полтора часа. Крепко уснувшая Яся оттягивала руки так, что я уже почти их не чувствовала. Иногда я садилась отдохнуть и опускала свою ношу на лавочку.

Усталость немного прогнала страх. Но вернулся он резко, рывком, когда тень в углу за лавочкой вдруг зашевелилась, оттуда раздалось кряхтение. Я вскрикнула и подскочила на ноги схватив Ясю.

— Да не верещи ты, — раздался старческий голос. — Я восьмой десяток разменял, нет мне дела до твоих прелестей, похмелиться бы...

Он и правда был стар. Густо пах старостью и алкоголем. Немошный, он не представлял для меня угрозы. И тогда я

решилась. Мне нужен был телефон, а звонить со своего я не решалась.

— Я дам вам пятьсот рублей, если вы разрешите мне позвонить. У вас же есть телефон?

Тень старика усмехнулась и на лавку лёг телефон. Старый, такой же, как и его владелец. Кнопочный. С восемью процентами зарядки. Мне хватит. Номер телефона нужного отделения я ещё дома заучила наизусть.

— Отделение полиции, — устало ответили мне.

— У меня дочка, - сбивчиво ответила я. — Дочка того... Ерофеева. Я не похищала её. Я передам её в ваше отделение, при условии, что там будет дежурить машина скорой помощи и несколько человек из отдела социальной защиты.

— Кто вы? - усталость с человека, как сдуло. — Как вас зовут?

— Сегодня ночью, - сказала я и сбросила звонок.

Потом выключила телефон и вернула владельцу. Положила на лавку пятьсот рублей и побежала прочь — я была уверена, что звонок уже отследили, моя вера в возможности системы тогда была безграничной.

К отделению полиции я подошла минут через тридцать. С околицы. Машина скорой дежурила. Дверь открыта, тянет табачным дымом. Водителя не видно, возможно, просто вышел размяться. На крыльце стоит мужчина в форме. Они выполнили мои условия. Я рассчитывала подбросить Ясю и убежать, не слишком представляя, как это сделаю, а в дан-

ный момент сидела за кустами и молилась, чтобы малышка не проснулась.

— Может развод? - крикнул кому-то парень в форме. — Ты же знаешь, сколько этих, которые за вознаграждение маму родную продадут.

— Ждём, — ответили ему. - мы обязаны проверить.

Парень сплюнул и вернулся в помещение. Стало тихо. Скрипнула дверца скорой, приоткрываясь ещё шире. Оттуда мелькнул огонёк. Курили прямо в салоне. Я напрягла зрение. Дверца скрипнула, потому что кто-то подпирал её ногой изнутри. Кто-то с очень солидным размером обуви. Сорок шестой, не меньше. В берцах. Отчего бы фельдшеру не носить берцы? Но...почему так темно и тихо?

Снова изнутри защекотал страх. Все эти кусты и тени за домами, они так надёжно скрывают меня, кого они могут прятать ещё? Со стороны раздались шаги. Шёл кто-то один. Мужчина. Я видела его в свете который падал из окон, он меня нет, я сидела стараясь не дышать.

Мужчина остановился. Лицо его было скрыто медицинской маской и низко надвинутой бейсболкой. Он тоже смотрел на скорую и слушал тишину.

— Убивать ли девочку? - вдруг задумчиво, ужасно спокойно спросил он. — Всё равно её убьют они.

Яся зашевелилась, а меня окатило холодом. Не ознобом, а словно на меня бочку жидкого азота вылили, я промерзла насквозь и сейчас просто рассыплюсь на мелкие осколки от

дуновения ветра.

Не плачь, мысленно попросила я малышку. Этот мир сошёл с ума. В нем мечтают убить потерянного младенца. Даже не мечтают, а так равнодушно говорят... и они, они это те, кто ждёт в скорой?

Яся спала, но выспавшись по дороге могла проснуться в любой момент. Мужчина стоял. Даже тихонько насвистывал что-то, пользуясь тем, что люди в скорой не могли его слышать. Затем развернулся и скрылся где-то за зданием.

Нужно уходить. Он может быть близко, он может услышать, но из-за паники я не могла усидеть на месте. Встала, молясь, чтобы ни одна веточка не хрустнула под ногами тихо, контролируя свои шаги пошла прочь.

И не верила, что смогла уйти. Не так пугали люди в скорой, как этот одиночка. Но квартал за кварталом оставались позади, никто за мной не гнался. Яся иногда кряхтела, но пока не планировала плакать в полную силу, мои шаги её усыпляли.

— Ну что же, — сказала я ей. — Пропала, так пропала. Мне страшно ужасно, Ясь, но отдать тебя убийцам я не могу.

И так все решилось, я приняла очередное сумасшедшее решение в своей жизни — никому не отдавать эту малышку.

Глава 8

Ульяна.

Маленькая Яся вела себя идеально, а я просто задыхалась от страха. Она не плакала всю эту ночь. Выспавшись на улице, она бодрствовала и я была рада её компании - у меня сна не было ни в одном глазу. Больше случайно моя Яся находила свои ножки, стягивала голубой носочек, запихивала в рот, если не получалось, то рассерженно сопела.

Она была идеальной. Но жить от этого было нисколько не легче.

— Будем радоваться малому, — сказала я. — Видишь, заканчивается эта ночь.

Рассвет был серым и размазанным, словно на свежестрашенном холсте с утренним пейзажем кто-то небрежно опрокинул стакан воды. Ясе не нравилось долго лежать, она начинала кряхтеть недовольно, я боялась, что заплачет, все услышат, что она у меня есть, брала на руки. После изнурительной пешей прогулки с ребёнком руки налились болью, но я все равно прижимала девочку к себе, подходила к окну и мы вместе смотрели на мутный рассвет.

Уснула Яся только когда окончательно рассвело. Я устала мучиться дурными мыслями легла рядом и тоже забылась сном. Он был таким же тревожным, как и явь, но проснувшись я не смогла вспомнить из него не единой детали.

Чутье подсказывало мне, что из города надо бежать. Но куда? Девочку искали. Я зареклась смотреть новости, но то и дело то включала телевизор, то мониторила просторы интернета. Если мы побежим, нас поймают с большей вероятностью, у меня нет никаких документов на девочку, да и досматривают всех с детьми... Лучше не привлекать внимание. Лучше затаиться. Лучше подождать.

Слава богу были сервисы доставки. Мы не нуждались ни в еде, ни в подгузниках, на данный момент у нас было все. Гуляли на балконе, шагая по узкому пространству туда сюда, и маленькая девочка терпеливо сносила вместе со мной все неудобства. Порой она казалась мне героиней. А я сама себе — старой, никому не нужной городской чокнутой.

— Я сошла с ума, — шёпотом сказала я сама себе.

— Агу, — чётко ответила Яся.

— Думаешь? — улыбнулась я.

И нашла силы в мысли о том, что я нужна этой девочке. Малышке, которая в младенчестве богата так, как я никогда не буду. Но её маму убили, её папа сидит в тюрьме, а деньги — несут опасность. Она такая крошка... я не оставлю её, пока могу.

— Я нужна тебе, правда? — спрашивала я у неё раз за разом.

И она не плакала. Иногда хныкала тихонько, но сразу находила утешение в моих объятиях. Боюсь этот ребёнок стал самым ручным в мире. Отчасти потому, что я очень боялась

её плача — нас могли услышать соседи. А ещё я находила в этой малышке новые силы. Мне нравилось её касаться, вдыхать ни с чем не сравнимый младенческий запах и чувствовать себя нужной.

Я понимала, что ситуации могут быть разными. Малышке может понадобиться медицинская помощь, младенцы должны расти при регулярном осмотре специалистов. Если что-то случится, разу вызову скорую, бог с ним, пусть меня сажают. Детское здоровье важнее. Тем более, целая детская жизнь.

Прошла неделя. Затем вторая. Я заказала весы и почитала, как должны прибавлять в весе младенцы. Яська прибавляла уверенно, узнавала меня, улыбалась мне беззубым ртом. Она, слава богу, не знала что такое колики, зубки ещё не лезли, если бы не тревога висевшая в воздухе, наши дни и ночи были бы безмятежны.

В городе искали девочку, сначала спокойно и собранно, потом безнадёжно и как-то истерично. За неё обещались огромные деньги, такие, каких я никогда не видела, никогда и не увижу. А мы сидели в подполье и агукали.

Через три недели я решила продавать квартиру. Мы смотрели много объявлений. Уехать куданибудь в глубинку, купить дом. Спрятаться, хотя бы на пару лет, убежать от этой постоянной тревоги. Связалась с риэлтором, мы разместили объявление.

Я думала, квартира будет продаваться годами. У меня вообще не очень укладывалось в голове, как можно просто

прийти и выложить такую кучу денег. Да, моя однушка не стоила баснословно, но для меня и это много.

Но к удивлению на первый просмотр записались уже через несколько дней.

— А чего вы хотели? - хмыкнула в трубку мой риэлтор.
— Один собственник, не обременена ипотекой... да ещё и однушка. Такие, как пирожки расходятся.

Это была молодая пара. Я даже немного им позавидовала — все впереди, а сейчас только счастье. То и дело касались друг друга, то открыто, то украдкой, обменивались взглядами, глубокое значение которых было известно только им одним.

Я тут же захотела, чтобы они купили эту квартиру. Заполнили её своим счастьем родили ребенка, топот ножек которого будет звонко раздаваться по коридору. Ребёнка, которого не нужно будет прятать в шкафу.

Да, так и есть. Я уложила Ясю спать и спрятала ее в шкафу, надеюсь она не проснётся пока. Эти счастливые люди не должны её увидеть.

— У меня не так много времени, — напомнила я. — Скоро ухожу.

Они взялись за руки и прошлись по квартире.

— Маленькая, - отметил парень.

— Вы знали это, - ответила риэлтор. — Именно поэтому её заберут быстро.

— Родится ляля, затем поищем побольше, - шепнула де-

вушка. Затем повернулась к нам. — Мы ещё посмотрим несколько вариантов, подумаем...

Когда за ними закрылась дверь, риэлтор повернулась ко мне и подмигнула.

— Вернутся, — улыбка была хитрой и полной самодовольства. — Уж мне ли не знать.

Они и правда вернулись. Всё закрутилось слишком быстро, я была не готова к такому повороту событий. Даже тревога немного ушла в сторону, точнее, её вытеснили другие тревоги. Я искала дом. Нашла. Очень далеко - почти тысяча километров. В чистеньком и красивом посёлке на берегу реки. Наверное, в таком приятно жить, в таком радостно растить ребёнка. Позвонила. Договорилась. Внесла задаток, чтобы не продали, хотя и страшно было очень.

Собрала в два чемодана и одну сумку всю свою жизнь. Я не могла увезти все, это было бы слишком заметно. Затем подписала документы и мой счёт в банке значительно округлился.

Ключи оставила в почтовом ящике глубокой ночью. Вызвала такси. Мне казалось, так будет безопаснее, так меньше внимания. Я не собиралась ехать на одной машине до пункта назначения, мне нужно сбить след, если он будет, конечно. Я буду добираться медленно.

Моросил дождь. Безымянный парень встреченный мной в подъезде молча помог спустить вещи. Яська спала в автомобильной люльке, я её стала полагаться в этом на службу

такси.

И в час ночи я покинула город, в котором я выросла, временами даже была счастливой, уезжая в неизвестность и увозя с собой чужого ребёнка, беззаботно сопящего в люльке.

Глава 9

Александр.

Я всегда был в хорошей спортивной форме. Сейчас же, за неимением особого выбора досуга, довёл свое тело до идеала. Никакой гордости это не вызывало, это просто способ убить время. Вот чего в камере хватало с лихвой — это времени. Оно было тягучим и вязким, как нуга.

Я все ещё не мог обелить своего имени. Даже смешно — столько дерьма я в жизни наворотил, прогрызая себе путь наверх, а посадили меня за то, чего я не делал, хотя хотелось, признаю. Редко ненавидел людей, а покойную — ненавидел. За то, что сделала, за неизвестность, что сдавливала тисками, не давая вдохнуть воздух.

И тогда я поднимался с койки. Деньги давали здесь определённые преимущества. Все дожидались вердикта судей в общих тесных камерах, пахнущих грязными носками и дешёвой едой. Я жил отдельно. Мне говорили, что я сойду с ума от одиночества, но плевал я на чью-то компанию.

Я поднимался с койки и шёл к турнику. Провисал на нем, чувствуя всю тяжесть своего сильного тела. А затем, раз за разом подкидывал себя наверх, не считая, не закликаясь на результате, чувствуя, как мышцы наливаются усталостью, а в голове не остаётся места для мыслей. Затем упирался косяшками в бетонный пол и снова принимался истязать себя.

И так раз за разом, день за днем.

Дней было много.

— Я чувствую себя ущемленным, — сказал Артур. — Глядя на тебя. Совсем жиром заплыл, может мне тоже сесть в тюрьму?

У него был ребёнок, у Артура. Мальчик. Маленький, конопатый, в мать, смешной даже. Бегал и пытался болтать, когда я видел его последний раз. Так что эти слова были совсем неуместны.

— Потеряй своего сына, сбрось жену с балкона и занимай соседнюю камеру, — пожал плечами я.

— Прости, — стушевался он.

Я больше не просил его найти дочь. Никого не просил. Знал — ищут. Маленькую девочку со слишком длинным, взрослым для неё именем, искали по всей России. И менты, и по моим каналам. И при этом я чётко понимал, что не найдут. Никто не найдёт мою дочь, кроме меня. Они просто теряют время. А я здесь был долго, так долго, что если сел бы вдруг писать свою биографию, этому эпизоду жизни придётся уделить не меньше целой главы.

— Работай, — бросил я. — Просто иди работай.

Он ушёл. Я посмотрел на стену. Там - полуголая девица с вульгарно выпирающими из купальника формами. Осталась от прежнего обитателя камеры, а я не стал от неё избавляться, хотя своей дешёвизной девушка порядком меня бесила.

У каждого Робинзона должна была быть своя Пятница,

пусть даже такая раздражающая. Иногда я ловил себя на мысли о том, что неплохо было бы отмечать на стене крестиком каждый день проведенный здесь. У меня был смартфон, в нем календарь и все соответствующие приложения, но время терялось, оно убегало и растворялось в бесконечности.

Сначала прошла неделя. Потом вторая. Месяц. Потом два. Я лежал на узкой кровати, на которую слава богу при-тащили нормальный матрас и смотрел в потолок. Думал о маленькой девочке, которая никому в целом свете не нужна. Если быть честным, она и мне не нужна была, я не просил её появления, я просто принял его. Я слишком мало времени с ней провел, чтобы понять хоть чтонибудь. Одно я понимал - я несу за неё ответственность. И я, черт побери, не справляюсь.

Потому что я здесь, лежу на узкой кровати в тёмной камере, смотрю на ненавистную рыжую с плаката и ничего не могу сделать. А она, моя дочь, кровь от крови моей — неизвестно где. Быть может Милана просто оставила сумку в лесу. Тогда маленькая девочка долго плакала, ожидая, что к ней кто-нибудь придёт на помощь, но никто не пришёл. Сумка так и стоит на прежнем месте, припорошенная осенними листьями, а в ней...

— Черт! — орал я. — Ненавижу!

Легче не становилось. Иногда я думал о том, что она у чужих людей. Которые не любят её, просто потому, что чертовски сложно любить чужого ребёнка, тут и своего полюбить

нужно время. И она жаждет тепла, внимания, заботы, но все что ей дают — не умереть. При таком раскладе умереть ей никто не даст, маленькая Каролина ключ к моим деньгам и моя единственная наследница.

Мысленно я ломал черепа всех тех, кто забрал у меня дочь, но и это этого легче не было. Прошёл ещё месяц. Затем ещё. Шло следствие. Мне задавали одни и те же вопросы. Иногда я отвечал, иногда срываясь, теряя терпение орал, раз разбил стул об стену.

Малышку забрали летом. Прошло столько месяцев. Если сумка и правда стоит в том воображаемом мной лесу, то её уже плотно накрыло снегом. Зима. Черт!

В одну из зимних ночей мне приснился сон. В том сне было тепло. В камере моей всегда холодно было, пусть батарея, пусть обогреватель включён почти всегда, по утрам я просыпался скованным холодом даже под толстым одеялом.

А там — тепло совсем. И темно, но темнота эта уютная. В ней мерцают огоньки, быть может, елка? Новый год уже прошёл, но не все убирают ёлку так сразу. От этих огоньков и уюта веет домом. Тоже постель. Одеяло скомкано и отброшено в сторону. Смех. Детский. Совсем детский, младенческий. И маленькие ручки, что тянутся и пальчиками ухватываются за нос. Я практически почувствовал это прикосновение чуть влажных детских ладошек, пахнущих молоком и чем-то нежным, названия чему я не знал.

И любовь. Ощущение такой любви, которой я сам никогда

не испытывал.

Проснулся я в холодной камере, за окном тёмный зимний рассвет, такой суровый и беспощадный, а у меня внутри - отголоски чужого счастья.

— Это неправда, - сказал я в полумрак. — Моя психика просто играет со мной в игры.

Дверь открылась с лязгом, без стука, без предупреждения.

— Ерофеев на выход, — сказал мрачный мужик в форме.
— С вещами.

Я вопросительно вскинул брови, не торопясь подниматься с постели, и он был вынужден пояснить.

— Вытащили тебя. За недоказанностью.

Прошло полгода.

Глава 10

Ульяна.

К искомой деревне мы доехали только через двое суток, хотя без пересадок, на машине, добрались бы часов за десять. В одном из городков подальше я сняла квартиру на ночь, женщина, хозяйка жилья даже не стала заморачиваться проверяя мой паспорт. Я была просто усталой женщиной с ребёнком, этого факта ей было вполне достаточно.

Несмотря на эту передышку, я устала просто смертельно. А Яся... мне по наивности казалось, что она такая маленькая, что для счастья ей достаточно просто быть сытой и тепла моих рук. Но малышке уже нужен был комфорт и она заявляла об этом требовательно и громко. Ей не нравилась машина. Детская автомобильная люлька, в которой она поначалу так крепко спала ей тоже очень быстро разонравилась. Малышка выгибала спинку и кричала так, что багровела лицом и шеей. Она слишком привыкла к моим рукам, она хотела ко мне.

А я боялась доставать её из люльки на мокрой от дождя междугородней трассе. Она плакала, я плакала вместе с ней. Водители сменялись — я не раз и не два выходила из машины и заказывала другое такси, не пользуясь на всякий случай популярными приложениями, звонила в местные службы. Но все, как один, считали, что я просто мучаю ребёнка.

— Возьмите уже её на руки, - рано или поздно не выдерживал каждый водитель.

— Нет, - категорично отвечала я. - Это небезопасно.

И пыталась успокоить ребёнка. Давала тёплую смесь из сумочки термоса. Соску, которую Яся упрямо выплевывала. Гладила её. На остановках, которые были часто, брала малышку на руки, выходила из машины и ходила чуть в стороне. Тогда Яся забывалась сном, но через некоторое время вновь просыпалась, понимая, что она снова в машине и снова в столь ненавистой люльке. И снова кричала...

За эти двое суток я поняла, что ни одна мать ни разу не преувеличила — растить дитя это невероятный, титанический труд. Наша деревня показалась нам в сумерках. Я очень рисковала, надо было переночевать в городе, но мне безумно хотелось закончить уже это путешествие. Рисковала я ночлегом - возможно, в деревне негде будет остановиться.

— О, вы выглядите такой уставшей, - искренне посочувствовала мне хозяйка дома. — Вы точно хотите смотреть дом сегодня?

— У меня нет сил ехать обратно в город, — обессиленно признала я.

— Тогда идемте. Вещи пока оставьте у меня в сенях, никто не тронет. Завтра муж все принесёт, а переночевать там можете. И давайте, я хоть немного подержу вашу дочку, вы устали.

Яся уснула, но даже сквозь сон сопела рассерженно, ино-

гда горестно всхлипывая, и я после секундного сомнения передала ребёнка. Уже темнело, деревню я толком разглядеть не сумела. Мы шли длинной улицей к нашему будущему дому - он был в самом конце.

— Магазин недалеко, - рассказывала девушка. — Есть садик. Поликлиника тоже, в ней конечно не все специалисты есть, иногда нужно ехать в город, но педиатры просто замечательные.

— Отлично, - отозвалась я.

— И должна предупредить, в этом доме пару месяцев назад умерла моя бабушка. Умерла своей смертью, от старости, жила долго и счастливо, но некоторых пугают смерти...

— Всё в порядке. Мне знакома смерть, я хоронила близких, в том числе мужа, я вдова.

— О, простите...

— Всё в порядке, я уже свыклась с этим.

На самом деле смерть мужа не вызывала уже во мне уже никаких чувств, кроме лёгкой грусти. С его кончиной я потеряла не любовь всей своей жизни, а скорее близкого друга. А сейчас быть вдовой было даже удобно — это многое объясняло.

Стоило только девушке передать мне Ясю и открыть дверь я сразу поняла - мы дома. И я, и Яся. Это наш дом, мы не зря сюда ехали так долго и так упорно.

Дом не пах старостью — немного пылью, это исправимо, терпкой смолой и сухоцветами. Неожиданно высокие для

старого дома потолка. Одна, но просторная спальня. Гостиная. Кухня без изысков, со старой мебелью, но такая уютная. На окнах горшки с цветами, и ни один ни засох — внучка заботилась о цветах покойной бабушки.

А самое главное - санузел внутри. С унитазом и современной душевой кабиной.

— Изначально ни душа, ни туалета не было, но бабушка старела, ей тяжело было ходить на улицу, и мы переделали кладовку. Она сначала возмущалась, потом оценила.

— Всё хорошо, - ответила я. — Я покупаю этот дом.

— Так сразу? - удивилась Ольга, так её звали.

— Знаете, такое ощущение, что я вернулась домой. Это сложно объяснить.

Ольга серьёзно кивнула. Показала, где чистое бельё, как включить отопление, если ночью озябнем и ушла. Мы наконец остались одни. Пока Яся спала, я торопливо приняла душ. Потом она проснулась и показала мне, где раки зимуют, все ещё не в силах успокоиться, после пережитого, но я все сносила смиренно. Прижимала к себе, ходила из комнаты в комнату, благо пространства здесь было больше, чем в моей прошлой квартире. Главное, что наш путь закончился, мы дома наконец.

Ночью я почти не спала. Утром вышли рано, нам нужно было ещё подписать все документы и перечислить деньги. На улице сыро, по земле стелется туман. Погода серая, вокруг деревни серые, по осеннему поля, зато какие яркие до-

ма вдоль дороги, какие насыщенно бордовые георгины в садах доцветают! А сразу за нашим домом - извилистый овраг поросший кустами, по дну которого змеится узкий ручеек.

— Тебе будет хорошо здесь расти, — сказала я Ясе. — Ты будешь счастлива здесь.

Глава 11

Александр.

Снежана совершенно не соответствовала своему имени. Смуглая, кареглазая, жгучая брюнетка с грацией пантеры, высокая и гибкая. Снежным был разве только её характер.

Она была настолько умна, что продержалась в моей жизни целый год. Спокойная, уравновешенная, знающая себе цену. Я впустил её в свою жизнь настолько, что глазом не успел моргнуть, как большую часть времени она стала проводить в моем доме.

Но стоило признать — не напрягала. Она была куда умнее всех моих предыдущих девушек. На свой день рождения она не выпрашивала цацки, тряпки, последние модели телефонов. Всё это покупала она себе сама.

— Акции, - сказала она.

И назвала предприятие, дела у которого шли ни шатко, ни валко.

— Уверена?

Мои сомнения были вполне понятны, но она кивнула. Я согласился и купил внушительный пакет, благо шли они тогда по бросовой цене. И буквально дней через десять ситуация на мировом рынке и политике изменилась, и захудалый завод для многих регионов стал едва ли не последней надеждой, акции бешено взлетели в цене. Я не стал спрашивать,

продала ли она акции с выгодой, оставила ли себе на будущее, но смекалке её отдал должное.

И вот сейчас ленивое утро воскресенья. Мне не спалось, поэтому я лежал размышляя чем мне занять несколько свободных часов. Разбудить ли спящую рядом Снежану, углубиться ли в рабочие документы, или выйти в сырое зябкое, пусть и летнее утро, и приняться истязать себя на уличном турнике, чтобы кожа сначала покрылась мурашками холода, а затем каплями пота?

Этим днем мне всегда было не по себе. Все последние годы. Именно в этот день меня лишили дочери. Воспоминания не меркли. Поиски не приносили успехов. Никто уже не верил, что ребенок найдётся. Мало кто верил, что ребёнок жив — потому что его давно могли вернуть за огромное вознаграждение.

Я не знал, верил ли. Я уже с трудом вспоминал лицо дочери. Фотографии были, много, короткие видео ролики. На них Каролина пускала пузыри, беззубо улыбалась, плакала, крепко сжимая кулачки. Я смотрел и словно не верил. В то, что у меня есть дочь, была. Моя жизнь была уже достаточно длинной, мне приближалось к сорока годам, и полтора месяца присутствия в ней дочери казались такими короткими. Короткими, как мгновение, только навсегда впечатавшееся в память. Я не помнил толком черт младенческого лица, но на смерть вьелся страх за ребёнка, собственное бессилие, навязчивые мысли о сумке оставленной в лесу.

Если сумка и правда там стоит, то за это время она успела бы истлеть, как и её содержимое, и тогда я никогда не узнаю правды.

— Са-а-аш? - позвала Снежана. - Ты проснулся?

Женская рука шаловливо пробежалась по моей груди, но я её остановил - мысли о потерянной дочери не способствовали пробуждению желания.

— Лучше кофе свари, - попросил я.

Сам же прошёл в душ. Воскресенье, прислуги нет, дома тепло и тихо. На кухню прохожу нагим, удовлетворенно втягивая носом запах крепкого кофе. Кофе варить Снежана тоже умела отлично. Сейчас стояла в длинной футболке, босая, одну ногу согнув и уперев стопой в бедро другой. Изящная, как цапля. Только очень красивая цапля.

— Ваш кофе готов, - улыбнулась она. - Я пока твою почту разбираю, почти один хлам.

Куча конвертов и квитанций лежала перед ней горкой, она разбирала, в одну сторону предположительно важную почту, в другой спам-рассылку и прочую ерунду. Надо полагать, Снежана и почту сортировать прекрасно умела.

— Спасибо, - отозвался я.

Кофе был хорош. Почта рассортирована. Большая кучка хлама, нужная кучка поменьше и между ними одинокий белый конверт.

— Я не знаю, куда его. Он не подписан. Видимо кто-то специально пришёл к воротам, чтобы бросить его в твой поч-

товый ящик.

Это вызвало интерес. Я потянулся к конверту, покрутил его в руках. Чисто белый, без марок, без подписи. Чтобы это могло быть? Времена нелепых угроз давно канули в почту, сейчас угрожают иначе.

— А вдруг там споры сибирской язвы? - поежилась Снежана.

Я надорвал конверт. Вытащил из него белый лист. Развернул. Лист практически идеально чист - лишь одна строка посередине.

"Я знаю, где твоя дочь"

И все, ни слова больше. Через шесть чёртовых лет.

Глава 12

Ульяна.

Та зима была и самой тяжёлой, и самой сладкой. Сама я с упоением понимала - быть мамой это моё призвание. Но Яська мне тогда задала жару, подарочного ребёнка словно подменили. Полезли зубы, по ощущениям, как будто все сразу. Малышка верещала каждую ночь. Я не спала почти и выглядела, как чучело. Радовало только то, что здесь не было соседей ни сверху, ни снизу, никого не смутит мой ребёнок, никто нами не заинтересуется.

Той же зимой я сделала документы. Сама. Нет, на оригиналы я бы замахиваться не осмелилась. Я установила нужные программы, неделю над ними билась, укачивая Яську и смогла сделать очень похоже, но в черно белом варианте. Добавила немного тёмных полос, и все, словно ксерокс немного барахлил, но копии годные. Затем подходящей ручкой вписала Яську себе в паспорт.

Сделав все это, я поставила Яську наконец на учёт в детской поликлинике. То, что я принесла копии вместо оригиналов никого не удивило, их сразу же вклеили в нашу карту. Затем я прописалась в новом доме.

— А ребёнка прописывать будете? — спросила женщина за столом.

Резонный вопрос - Яська, как раз, верещала у меня на ру-

ках.

— Нет, - ответила я.

Сомневаюсь, что в этом заведении прокатали бы мои сделанные на коленке копии.

— Почему?

— Она прописана в городе, в квартире бабушки. Я надеюсь, что квартира достанется моей дочери.

Ответ удовлетворил, и правда, кто же в трезвом уме поменяет городскую прописку на деревенскую? Ну, кроме меня конечно...

К весне Яська уже имела шесть зубов и отлично ползала, встречая во все труднодоступные места дома. Стоило мне только на секунду отвернуться, как она уже сидела в ящике шкафа, вытаскивала чистое белье из машинки, с азартом бросая его на пол, или играла сковородками, которые добыла в нелёгкой битве с непослушной дверцей кухонного гарнитура.

Пушок волос на голове, который изначально был светлым, к весне начал превращаться в чистейший блонд, за который красавицы бешеные деньги выкладывают.

Весна была жаркой, и в мае я первый раз вывела Яську гулять без шапочки. Мы толком в деревне никого не знали, хотя она была вполне многочисленной, и прожили затворниками, гуляя во дворе. А тут тепло, тянет бродить по округе.

В магазин мы все же заходили, вот и сейчас, только уже без шапочки.

— Какая красавица! - дружно восхитились бабульки в очереди.

— Спасибо, - зарделась я.

Я и правда считала Яську самой красивой. Волосики бело-снежные, щеки уже слегка золотятся загаром, а глаза - непроницаемые. Карие, но не с золотыми крапинками, а скорее чёрными. И ободок зрачка чернящий. Самая красивая моя ведьмочка.

Стоит ли говорить, что я безумно Ясей гордилась?

— Годик вам когда?

— Через месяц.

— Волосы побрейте обязательно!

Я улыбнулась и кивнула - ничего я своей малышке брить не собиралась. Отстояла очередь, сложила покупки в багажник коляски и мы поехали домой. Не спеша, полной грудью вдыхая солнечную весну.

Яська очень рано поползла и видимо считала, что этого способа передвижения ей вполне достаточно. Годик скоро - ни в какую идти не хочет. Это немного меня беспокоило, пусть и наш участковый врач, и мамочки на форумах говорили, что это норма.

В тот солнечный день я посадила Яську в уличный манеж, который соорудила сама, чтобы малышка позволила мне возиться на улице, никуда не уползая. Я же рвала прошлогодние ещё сорняки, что сухими палками торчали к небу, вскопала несколько грядок. Я конечно, совершенно городская,

но посмотрим, может получится засадить несколько грядок. Выпрямилась, потерла ноющую спину, полюбовалась трудами рук своих и удовлетворенно кивнула. Удивительно, но мне нравился этот кропотливый труд. От него у меня болело уставшее тело, зато отдыхала душа.

— А! - раздалось сердитое Яськино сзади. — А-а-а!

Я испуганно обернулась. Манеж, который успешно сдерживал Яськин темперамент несколько дней, сдался под её натиском, не устоял. Она перелезла через загородку, свалилась на землю и обиделась. Высота была небольшой, да и упала Яська на попу, паниковать я не стала.

— Иди сюда, — позвала я. — Идём, помогать будешь.

Помощница из Яськи никакая, просто по саду погуляем, и пойдём на тихий час. Между нами было несколько метров. Яська перестала сердиться, оперлась ладошками о землю, чтобы по привычке поползти, а затем передумала. Бог весть, что было в её голове, но она встала придерживаясь манежа, посмотрела на меня с лукавинкой, а затем... руки раскинула в стороны и пошла. Ко мне пошла. И сделала целых пять шагов, а я опустилась на колени, руки ей протянула и даже не сразу поняла, что плачу.

Много всего было замечательного. Яська была очень себе на уме. Все дети говорили мама или дай, первыми словами, а Яська - вот. Она показывала маленьким пухленькими пальчиком на какой либо предмет и говорила - вот. Вот, это вопрос, на который следовало ответить.

— Вот? - спрашивала Яська.

— Мячик, - терпеливо отвечала я.

— Вот?

— Ворона.

Яська важно кивала, принимая информацию к сведению, но разговаривать не торопилась. Долгожданное мама сказала только в год и три, и да, я снова ревела.

К трём годам у неё появились первые друзья, с которыми она под присмотром играла на детской площадке. В четыре я первый, надеюсь в последний раз её потеряла. Это были десять минут дикой паники, я успела сбегать в овраг, обежать весь участок, забежать к соседям, позвонить участковому.

Яська залезла в соседний дом, подумать только, через битое окно. Жила там баба Галя, но её не стало зимой, и теперь у нас с одной стороны дома овраг, с другой - пустой дом.

— Никогда так больше не делай, - просила я, чувствуя, как разжимаются тиски, которые все эти минуты не давали вдохнуть.

— Я близко была, - не понимала моей паники Яся.

— Я разрешаю тебе играть, - напомнила я. - И с Ваней тоже. Главное, чтобы я всегда знала, где ты.

Яська кивнула. А следующим летом уже пятилетняя Яська снова исчезла из поля зрения, слава богу на пару минут только, а потом явилась. С белобрысой косичкой через плечо, загорелая почти дочерна, со сбитыми, как у всех деревенских детей коленками и с котёнком в руках. Котёнку у

Яси в руках ничего не нравилось, он извивался и шипел.

— Кто дал? - спросила я.

— Дядя Лёша дал.

Никто из наших немногочисленных соседей этого имени не носил и я напряглась.

— Кто это?

— Это я! - отозвался мужской голос, и из-за угла дома, больше года простоявшего пустым вышел мужчина. - Я сосед ваш новый, Алексей зовут.

Он был красив. Наверное, не стоило об этом думать тридцатипятилетней женщине, в одиночку воспитывающей украденное дитя, я отметила просто на автомате. Очень красив и молод, таким в нашей деревне не место.

— Ульяна, — отозвалась я.

— Я коту придумаю имя, - влезла Яська. — И Ване покажу.

И побежала к дому напротив, туда я ходить позволяла, если отпрашивалась. Я снова повернулась к мужчине.

— Котёнка в дороге нашёл, - пожал плечами он. - Бегал, прямо по проезжей части. Жалко стало. Не знал, что с ним делать, привёз сюда, я дом этот неделю купил... только вошёл, смотрю дочка ваша в окно лезет.

— Простите, - извинилась я.

— Ничего страшного, - отмахнулся он. И рассмеялся вдруг. - Зато мохнатого пристроил. А дочка ваша очень красивая. На вас похожа...

В этих словах мне слышался комплимент, на которые я уже отвыкла адекватно реагировать. И возвращаясь в дом, вдруг не к месту подумала — что он потерял здесь, от чего бежит, этот красивый парень?

Глава 13

Александр.

Шесть лет, думал я сидя у себя в кабинете. Стало вдруг не до смуглых прелестей моей снежной гостьи, ленивые воскресные мысли тоже покинули. Я был сосредоточен, но при этом в голове пусто-пусто. Вакуум. Словно все содержимое моей черепной коробки вытянуло пылесосом каким нибудь.

Единственная мысль крутилась надсадно, раз за разом повторяясь с одной и той же безжизненной интонацией. Шесть лет. Шесть. Шесть лет.

В дверь постучали.

— Саш?

— Есть что?

Конверт обследовали со всех сторон, но он был девственно чист. Ни одного отпечатка пальца. Ни одного биологического образца. Было бы мило со стороны отправителя облизать клейкую полосу языком, но он решил нас не радовать.

— Ничего.

Ничего у нас не было. Как не было во мне почти воспоминаний о потерянном шесть лет ребенку, кроме почти успокоившейся за годы тревоги и навязчивых мыслей о брошенной сумке.

— У нас есть знание. Она жива.

— Да с чего ты взял? Может он знает, где её могилка?

— Молчать! - заорал я.

Дернулся навстречу Артуру, схватил его за грудки пережимая доступ воздуха натянувшейся тканью рубашки. Он захрипел, посыпались пуговицы и я вдруг пришёл в себя. Он прав. Может быть что угодно.

— Садись, - велел я, отпуская его.

Артур сел оправляя мятую, частью лишенную пуговиц рубашку и перекосившийся галстук. Пижон. Покосился на меня, но промолчал. Молчали мы несколько минут.

— Это может быть развод. Помнишь, сколько разводил было в первый год?

Я помнил. Многие мечтали поживиться на чужом горе. Доходило вплоть до мелодраматических событий - мне дважды притаскивали чужих младенцев. Младенцы были крикливыми, оба на одно лицо, мне в принципе все дети казались похожими. И да, экспертиза проводилась в обоих случаях, не знаю, на что рассчитывали аферисты. Дети были чужими. Но выбросить за порог маленьких девочек, ненужных даже матерям, не получалось, как впрочем и оставить себе. Проследил, чтобы обе были полностью обследованы и переданы в хорошие семьи. Даже мониторию иногда, счастливы. Подрастают. В школу на следующий год. И моя бы тоже следующей осенью в школу пошла...

Если бы была жива.

Но да, поток аферистов жадных до чужих денег быстро иссяк, как и сведений которые они приносили и которые мы

раз за разом проверяли приходя в очередной тупик.

Просто мать и дитя это самое естественное, что можно увидеть. Они везде. На улицах, в магазинах, в поликлиниках, парках, просто везде. И если моего ребёнка, при условии, что он жив, забрала женщина — искать их, что иголку в стоге сена. Города, черт побери, наводнены младенцами.

Но шесть лет.

— Черт побери, - сказал я Артуру. — Шесть лет прошло. Об этой истории уже даже журналисты не вспоминают. Все сказанное было сказано, все версии проверены. Жулье, которому нужны были мои деньги тоже давно закончилось. Почему этот человек ждал шесть лет, чтобы что-то сказать?

— Я не знаю. Саш...

— Мы обязаны проверить. Всё. Слишком велик шанс, что этот след не ложный. Что там с камерами?

Посёлок у меня был закрытым, но попасть на территорию было несложно. Люди снова и целыми днями. В каждом доме obsлуга. Такси, курьеры, почтальоны. И да, камеры стояли везде.

— Есть картинка. Парень. Ну, или баба высокая и плоская, как вариант. Но шагает, как парень. Капюшон. Очки. Маска медицинская, Саш, сейчас в маске ходить норма и не удивляет никого, не видно лица...

— Покажи.

Парень, точно. Все, как Артур говорил. Подошёл к моим воротам. Пару минут постоял, разглядывая их. Затем полез

в карман толстовки. На руках перчатки медицинские, вот же гад, но и этим сейчас никого не удивить. У прорези ящика остановился, словно размышляя, оставлять письмо или нет. Забросил его в прорезь и ушёл не оборачиваясь.

— Шлагбаум на въезде прошёл незамеченным. На камерах видно, но тормозить не стал его никто, шёл уверенно, а там поднято все было, несколько машин шло подряд...

— И им я за охрану плачу, — покачал головой я.

Хотя на поселковую охрану я никогда особо не рассчитывал.

— Больше ничего нет, Саш. И что будем делать?

Я задумался. Он не просто так воду мутит, этот парень. Ему хочется, как минимум, нашего внимания. И он точно ещё вернётся.

— Ждать, - сказал я. — Ждать, Артур.

— Охрану у ворот усилить? Явится, мы его быстренько поймаем.

— Нет, - подумав ответил я. — Быстренько мы уже не раз пытались. Не хватало спугнуть. Он придёт. Он не просто так это начал, ему явно есть, что нам сказать.

День шёл за днем. Первый, за ним второй и третий. Прошла целая неделя. Я думал о том, что в последние годы, когда щемящее чувство нечаянной потери почти притупилось, лишь иногда вкалываясь занозой в самое сердце, я слишком успокоился. Слишком явно принял неизбежное.

А теперь реальность вывернулась изнанкой и не получа-

лось больше вернуть ту ленивую безмятежность мыслей. Изнутри грызли тревога и напряжённое ожидание. Если ружье висит на стене, оно выстрелит. Если пришло одно письмо, будет и второе.

— Саш, я тебе массаж сделаю, - шептала Снежана.

И рук её прохладные скользили по моим плечам, соскальзывая по груди и ниже, но забвения не приносили. Не успокаивал турник. Алкоголь. Ничего. Я просто ждал, проваливаясь в свое ожидание, как в болото, вновь и вновь думая, что ошибся. Надо было увеличить охрану. Надо было разослать ориентировки, пытаюсь поймать это некто в маске, очках и капюшоне. Надо было что-то делать, надо!

Следующий конверт пришел в понедельник, через восемь дней. На работу. И там выбросили бы его, как и всякий неидентифицированный, если бы не мой строгий наказ проверять каждый конверт. И снова отправитель был весьма лаконичен. Одна фраза.

"Хочешь, расскажу и тебе?"

Глава 14

Ульяна.

Котенка, конечно же, оставили. Не скажу, что я была в восторге, но тёмные Яськины глаза так горели, я не смогла ей отказать. Он прижился, получил кличку Платон, обнаглел и с упоением драл дома все, от обоев и штор, до единственного дивана в гостиной. Прижился и сосед.

Я осторожно за ним наблюдала. Не знаю почему, но он вызывал во мне тревогу. Какой-то он неправильный для этого места. Вот я сюда вписалась. Летом загораю так, что волосы рыжеют и на носу конопушки. Огород развела, от него мои ногти, и руки в целом, давно растеряли городской лоск. Думала даже цыплят завести - от них то толку больше, чем от кота, но боялась, что с моими о них знаниями, они просто передохнут. Я подружилась с соседями, ходила на ярмарку, которая бывала раз в неделю круглый год. Магазинов в селе было мало, и по воскресеньям приезжали торговцы и продавали всякую всячину прямо с машин. Мы с Яськой пропускали эти ярмарки только если по болезни.

А он...слишком красив, я уже говорила. Слишком изыскан. Светлые его глаза неожиданно глубокие и встречаясь с ним взглядом я терялась — что же прячется в этих глубинах? Встреч я старалась избегать, даже в огород стала выходить реже. Потому, что как ни выйду, он то окна вставляет вза-

мен битых, то ограду чинит. Приходилось по соседски здороваться, как минимум, кивать.

Но вот Яська...их манил тот сад, её, да Кольку из дома напротив. Покойная соседка сад развела знатный. Сейчас вторая половина лета, на соседских просторах поросших сорняком поспевали, осыпаясь сливы, первые, мелкие, но очень сладкие яблоки, ягод, видимо не видимо. И они с Колькой безо всякого на то позволения в соседский огород лезли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.